Наталья ЕЛИЗАРОВА

ЖИТИЕ МАКСИМКИ

Рассказ

В лучах восходящего солнца просыпалась кирпичная высотка. Максимка по опыту знал, что скоро во дворе должен появиться дворник: в это время он, наверное, как раз допивает свой чай, потом дело за малым – натянет куртку и оранжевый жилет, возьмёт метлу в руки, и уже через пару минут выйдет на улицу. Дворник, хмурый, неприветливый мужичонка, жил в доме напротив, на первом этаже. Он без зазрения совести гонял со двора Максимку и всех, кого считал «посторонними». «Нечего тут шляться! К себе идите, у себя и мусорите!» – горланил он, едва заметив пришлую детвору. Упаси бог кинуть на тротуар фантик! Так за ухо оттаскает, что потом оно неделю огнём гореть будет.

У крайнего подъезда, аккуратно выстроившись в ряд, стоят на бетонной плите новенькие контейнеры на резиновых колесиках. В них копошатся два бомжа. «Здорово, мужики!» – деловито приветствует их Максимка и присаживается неподалёку на корточки. «Вали отсюда», – не оборачиваясь, нехотя отзывается один из них. Негостеприимный приём Максимку не обидел. Он видел: люди заняты делом, им некогда тары-бары разводить. Что ни говори, а бомжи – люди серьёзные: они поднимаются с рассветом и успевают наработаться ещё до того, как разбуженные будильником обыватели начнут лениво потягиваться в своих тёплых постелях.

В некотором роде Максимка был их коллегой: не так давно он и сам частенько наведывался на зловонную городскую свалку, но это не было работой как у взрослых бродяг, скорее времяпрепровождением. Смердящие мусорные кучи, над которыми с хриплыми криками кружили галки и жирные вороны, напоминали рукава большой реки, небрежно раскинувшейся вдоль железнодорожного полотна и покосившихся почерневших бараков. С каждым годом помойка всё ближе подступала к домам, подъедая дороги и огороды, но никто и не думал её расчищать. Окрестные жители привыкли к ней и даже не гнушались обустраивать за счёт найденных под толщами мусора трофеев свои жилища: кто-то тащил с дом колченогие растрескавшиеся стулья, кто-то – допотопный телевизор со сгоревшим кинескопом в надежде его «подшаманить», кто-то приспосабливал для бытовых нужд брезентовые сумки от списанных воинской частью противогазов, а кто-то сооружал из автомобильных покрышек нехитрые клумбы в полисаднике…

Максимка выискивал на мусорке запчасти от разных драндулетов, чтобы собрать, наконец, один хороший полноценный велик. Но если попадались другие более или менее стоящие вещицы, которые могли бы пригодиться, прихватывал и их: аккумуляторы, из которых можно было отлить грузила для удочек, пустые пластиковые бутылки (их можно было продать по десять копеек за штуку местной самогонщице тёте Клаве, разливавшей в принесённую тару мутное коричневатое пойло), использованные баллончики от лака для волос, чтобы делать из них бомбочки и бросать в костёр… Чего только не было на этой чудо-свалке! Однажды Максимке посчастливилось найти дамскую кожаную сумочку с потёртыми ручками. Ничего не обнаружив на ощупь, он распорол подкладку и ахнул: на днище завалилось и лежало там позабытым настоящее сокровище – золотая цепочка со сломанной застёжкой. Он хотел было отнести её в ломбард, но побоялся идти сам, отдал матери. А та вместо обещанных сыну шоколадных батончиков и газировки, купила на вырученные деньги утюг…

После того, как на помойке случился сильный пожар, выгорело дотла несколько расположенных поблизости домов и погибли люди, её всё-таки ликвидировали. Когда экскаваторы разгребали груды обугленного хлама, Максимка чуть не плакал: ему казалось, что под огромными ковшами безжалостно уничтожается вся его жизнь.

Так и не смирившись с потерей своего Эльдорадо, он начал промышлять возле мусорных баков старых хрущёвок. Но скудная добыча радости не принесла: кроме дешёвого пластика, объедков и старомодных шмоток ничем нельзя было разжиться. Немудрено – люд на заводской окраине жил небогатый.

В поисках лучшей доли Максимка сделал вылазку в центр города, в район элитных новостроек. Но там он столкнулся с жестокой конкуренцией: все точки с бытовыми отходами давным-давно были поделены местными бичами, а соваться в нахалку – себе дороже: запросто

могли накостылять по шее. Максимка старался не наглеть, пытался договориться со старожилами.

Так было и на это раз. Придя туда, где его не ждали, он скромно остановился неподалёку и начал выжидать удобного момента.

…Бомж, поковырявшись палкой в мусоре, выудил пузатую бутылку, с наслаждением принюхался к оставшимся на днище каплям спиртного и, запрокинув голову, сцедил их в рот.

Максимка, заметив под кустом рябины пустую пластиковую бутылку, услужливо подал её бородатому мужику. Тот, исподлобья зыркнув на мальчишку, кинул находку в чёрный полиэтиленовый мешок.

– Тебе чего, малой, надо? – угрюмо бросил бродяга.

– Бутыльков хочу насобирать… из-под духов… – пояснил мальчик.

– Бабе своей, что ли?

Максимка смутился. Восьмилетняя Зойка, которой предназначались склянки из-под духов, никак не соответствовала этому взрослому и грубому словцу. Но не стал спорить:

– Ну да…

– Чё-то не попадались сегодня… – откликнулся мужик.

Мальчик расстроился: он уже пообещал своей подружке принести красивых пузырьков. В отличие от других детей, ей нравились не обычные игрушки, а камешки, пуговицы, бутылочные осколки и причудливо изогнутые парфюмерные стекляшки: их Зойка особенно любила за то, что они долго сохраняли приятный аромат. Максимка, желая порадовать девочку, тащил их откуда только возможно. То, что презенты иногда подбирались на помойке, его не тревожило: использованные духи чаще всего выбрасывались в упаковке, но если упаковку снять, то чистенькую бутылочку можно подарить без особых угрызений совести… Да и Зойка никогда не спрашивала, где он взял эти безделушки. Она вообще никогда ни о чём не спрашивала. Сидела себе в инвалидном кресле, смотрела на своего маленького товарища раскосыми, слегка выпученными глазами и, улыбаясь, тихонько мычала…

Однажды Максимка спросил у матери, почему Зойка не разговаривает, ведь ей уже – целых восемь лет. «Так ведь она ж даун! – ответила мать. – Они не говорят». «А кто такие – дауны?» – спросил Максимка. «Дауны – это бракованные люди», – пояснила женщина. «Как это?» – оторопело прошептал мальчик. «Ну, родились такими… Бракованную-то вещь можно выбросить, а это вроде как человек… никуда не денешь… Вот и живут, пока не помрут… Зачем только живут? Не дай Бог такую жизнь! И сами мучаются, и родителей мучают»…

Максимке от слов матери стало не по себе. Он плохо понял, что значит бракованный человек, его потрясло другое – Зойка мучается! Ей, наверное, очень больно! Только почему тогда она всегда улыбается? Когда людям плохо, они улыбаться не станут, они будут плакать…

«А тебе что за удовольствие водиться с дурочкой? – добавила мать. – Ребят что ли нормальных нет, поиграть не с кем?».

Мальчик аж поперхнулся: да разве Зойку можно сравнить с соседскими пацанами? У тех одно на уме: покурить втихушку, пока родители не видят или подраться. Да и Максимку они постоянно шпыняли: дразнили за оттопыренные уши, за то, что плохо одет, за то, что единственный во всей округе не имел велосипеда…

Зойка не обижала его никогда. Она вообще была особенной. Наклонит голову на коротенькую, в складочках, шею, посмотрит внимательно своими раскосыми марсианскими глазами и улыбнётся – открыто, ласково. А у Максимки на душе сразу тепло и радостно. Плоское, круглое, как блюдце, Зойкино лицо, казалось, излучало солнечный свет. Разве может такое добродушное существо кого-то мучить? Видать, напутала что-то мамаша…

…Максимку подозвал другой бомж.

– Вот там посмотри, в коробке… вроде там чё-то было… – мужик ткнул грязным пальцем на крайний контейнер.

Синюю коробку из-под обуви Максимка приметил сразу, даже рыться в отходах не пришлось. Её содержимое обрадовало мальчика: маленькие баночки, флаконы с остатками засохшего лака, примятые тюбики, сломанные заколки… – видимо, какая-то барышня провела основательную «ревизию» в своей косметичке. Он выбрал для Зойки два самых изящных флакончика в миниатюрных, пестревших золочёными буквами коробочках, а себе взял футляр из-под пудры с разбитым зеркалом: если внутрь вклеить кружок из поролона, то получится удобная тара для крючков и мормышек; с ней на рыбалку – милое дело. Ещё немного

покопавшись в барахле, прихватил и старый лак ярко-красного цвета; его он собирался развести растворителем и заново покрасить поплавки, как это делал отец, не признававший магазинных, пластмассовых и изготавливавший их собственноручно из гусиных перьев: они были лёгкие до невесомости и более чувствительные на поклёвку, но самое главное – не стоили ни копейки.

Одна мысль о рыбалке вызвала на лице мальчика умиротворённую улыбку. Ещё недельку-другую подождать – и можно «открывать сезон».

К рыбалке Максимку приобщил отец. Едва мальчику исполнилось шесть лет, когда он, срезав ветку, соорудил сыну удочку и повёл с собой на речку… Так рано просыпаться Максимке ещё не доводилось: ему, разомлевшему под тёплым одеялом, ворчливому и хныкающему, совсем не хотелось куда-то идти, тем более, что на улице было свежо, прохладно, но отец сурово пресёк «девчоночье нытьё»: «Привыкай, ты – мужик! Хочешь вернуться с уловом, надо вставать до восхода солнца»… Максимку с его самодельной удочкой оставили на бережку, посадив на раскладной стульчик. Отец же в длинных резиновых сапогах полез в камышовые заросли…

Максимка в тот день хоть и не поймал ничего, но ему страшно понравилось рыбачить. Рассыплешь пару горстей приманки – отварной перловки, забросишь удочку с насаженным на крючок червяком и ждёшь карасиков. А кругом – тихо и сонно. Неторопливое течение лениво намывает песок и мелкую гальку на босые ноги. Слегка покачиваются нависшие над водой, полупритопленные ивовые ветви, а в них, с перерывами, заливисто поёт крошечная серая птичка… И вот начинает дёргаться и тонуть поплавок. Отец кричит: «Тяни! Клюёт!». Максимка дёргает, что есть мочи: над головой, брызгаясь серебряными каплями, взвилась вместе с травой леска, но ликование маленького рыбака оказалось преждевременным: на крючке пусто – хитрая рыба стянула наживку… «Ничего, ещё поймаешь, – успокоил Максимку отец. – Ты, главное, не тяни так резко… пусть как следует захватит… Смотри, как я делаю – оп! Вот она, красавица!». И перед тем, как выпустить в садок что-то блестящее, сияющее, живое, спросил: «Хочешь потрогать?»… Максимка осторожно провёл пальцем по скользкой липкой чешуе: рыба, судорожно дёргая хвостом, хватала ртом воздух. «Пап, давай отпустим, жалко…». «Вот те раз! – удивился отец. – На то она и рыба, чтоб её ловить… Наловим, мамке принесём, пожарит…». «Всё равно жалко…». «Ладно, эту – отпустим… мелковата… Пусть себе плавает, тебя добрым словом вспоминает»… Ближе к обеду отец объявил, что пора перекусить. Расстелив на песке брезент, он вытащил из рюкзака термос с горячим сладким чаем, сваренные вкрутую яйца, картошку в мундире, сало, хлеб… Ещё никогда еда не казалось Максимке такой вкусной!..

Когда им попался ещё один маленький карасик, мальчик и его решил спасти. Он посадил рыбку в ведёрко с водой и принёс домой. Карасика пустили в старую детскую ванночку, в которой когда-то купали новорожденного Максимку. Он очень быстро освоился в новом водоёме и с аппетитом поедал хлебные крошки и дождевых червей, которые Максимка каждый день выкапывал под росшими за домом тополями и приносил в консервной банке. Но однажды во время очередной кормёжки мальчик не обнаружил своего подопечного в воде. «Кот сцапал!» – с ужасом подумал Максимка, вспомнив прожорливого соседского Ваську, частенько захаживающего в их квартиру, как к себе домой. Но тут он увидел своего карасика, из последних сил трепыхающимся на полу. Бережно подняв, он отпустил его в воду. И в тот же день, тайком от домашних, отнёс его обратно на речку…

Следующая рыбалка выдалась не скоро, примерно спустя месяц, когда Максимкин отец, работавший дальнобойщиком, вернулся из рейса. Одного мальчика на речку не пускали. «Ещё сорвёшься с обрыва и утонешь», – рассерженно отзывалась на уговоры сына мать, и как он ни убеждал её, что там, где они рыбачат, нет никакого обрыва, и что он вообще не полезет в воду, а будет стоять с удочкой на берегу, не смог убедить. «Мал ты ещё сам ходить на реку, вот вырастешь, тогда пойдёшь, – твердила женщина, – а сейчас отца жди, без него – сиди дома!»… Когда отец, наконец, приехал с поездки, радости мальчика не было границ.

…Почти всё лето Максимка с отцом проторчали у водоёма. Максимка поймал свою первую рыбу, и отец не без гордости назвал его «знатным рыбаком». Мать ругала их за то, что они не помогали ей по хозяйству, а целыми днями «прохлаждались». Услышав такие обидные упрёки в свой адрес, Максимка возмутился: они – кормильцы семьи, добытчики, а их отчитывают, как обычных бездельников! Отец лишь равнодушно пожал плечами: женщины, что с них возьмёшь?..

С приходом холодов рыбалка для Максимки закончилась. Отец, правда, хоть и увлекался подлёдным ловом, но сына с собой уже не брал, чтобы не застудить. Мальчику ничего не

оставалось, как с нетерпением ожидать лета. «Как в отпуск пойду, мы с тобой на озёра поедем, с дядей Колей, – говорил отец, – поставим палатку, костёр разведём, ухи наварим. Ты сроду такой ухи не пробовал! Мамка не так варит, она с картошкой делает… а какая уха – с картошкой? Это уже не уха, а так, одно наименование… Будем на лодке кататься. Я такую нынче классную лодку купил! Вот летом поедем на озёра и опробуем. Я тебя весло научу держать…»…

Так Максимка и жил, от одного зимнего месяца, до другого, мечтою об этом путешествии. И вот наступила долгожданная весна. Реке с каждым днём становилось всё более тесно под ледяным панцирем. И, наконец, она расправила плечи, задышала – и почерневшая снежная корка покрылась трещинами. Расколовшиеся на гигантские осколки льдины поплыли по воде, словно большие плоты. Сталкиваясь, они переворачивались, крушили друг друга… Повсюду был слышен шум бурлящей воды… «Теперь уже скоро, – пообещал отец, гуляя с сыном по набережной. – Вот ледоход пройдёт, потом я на месяц смотаюсь в поездку, а как вернусь, будем выдвигаться…». «А там, куда мы с тобой поедем, водится много рыбы?» – выспрашивал Максимка. «Не сравнить с тем, что здесь, – присвистнув, отвечал отец, – и, главное, крупная такая!». «Пап, а если забраться на самую большую льдину, можно на ней уплыть?». «Да, пожалуй, что и можно, – улыбнулся отец. – Куда-нибудь на Амазонку…».

…На улице заметно потеплело. Максимка в предвкушении рыбалки уже несколько раз успел вытащить из чулана старый, ещё отцовский, школьный пенал, в котором хранились разноцветные мормышки и катушка лески, и любовно разложить содержимое на полу, но неожиданно пришло известие, разрушившее все его планы и на нынешнее лето, и на годы вперёд: не вернулся из рейса отец. Что с ним случилось, Максимка так до конца и не понял. «Заснул за рулём», – смахивая слёзы, глухо роняла мать в ответ на расспросы соседей, вдруг как-то разом нагрянувшим к ним домой. А он удивился: как это – взял и заснул прямо в машине, посреди дороги? Но переспрашивать не решился: было видно, что матери не до него… Как хоронили отца Максимка не видел: мать, рассудив, что печальный обряд не для детских глаз, просила подругу забрать мальчика к себе домой на пару дней… Когда он возвратился, его сердце сиротливо сжалось: квартира, в которой все привычные глазу безделушки оказались куда-то спрятанными, а пёстрый палас – скатан валиком и убран за диван, выглядела неприятно огромной… Он почувствовал себя таким забытым и заброшенным, что захотелось зареветь в голос. Но в памяти тотчас ожил строгий голос: «А ну прекращай сопли, ты ведь мужик!». И Максимка сдержался. Тем более, что ему так и не поверилось в то, что отец больше никогда не вернётся. Враньё это всё! Конечно, вернётся, он ведь обещал. Только не скоро…

Время от времени Максимка открывал кладовку и, прислонившись к дверному косяку, смотрел на висевшую на гвоздике непромокаемую куртку с капюшоном, резиновые сапоги, неприкаянно жавшиеся к бамбуковым удочкам, стоявший в углу большой синий мешок, в котором покоилась так ни разу и не спущенная на воду лодка… Но однажды мать всё это куда-то унесла. Когда ошарашенный пропажей мальчик спросил, где вещи, она спокойно ответила, что отдала дяде Коле. Его аж затрясло. «Что ты наделала, дура?!» – со слезами вскричал он и накинулся на женщину. Опешив от неожиданного нападения, она неловко защищалась, выставив вперёд ладони, а он молотил по ним маленькими сжатыми кулачками и вопил: «Это же его лодка! Это наша с ним лодка! Ты не имела права её отдавать! Верни сейчас же!»… Лодку, разумеется, никто не вернул. А Максимка с этого дня возненавидел свой дом так, что старался улизнуть из него под любым предлогом. Пустой угол, где вместо родных вещей, – осыпавшаяся штукатурка да клочок паутины – гнали его прочь…

Мать хоть и журила мальчика за вечное отсутствие, но уследить за ним не могла. Тем более, что её одолевали совсем другие заботы. С недавних пор, чтобы прокормить себя и сына, ей приходилось крутиться на трёх работах, отчего она постоянно была уставшей и недовольной. Кроме того, она стала получать по почте письма, которые надолго портили ей настроение и выбивали из колеи. Так, придёт, бывало, Максимка домой, а мать или бранится словами, за которые раньше сама же шлёпала сына по губам, или плачет – беспомощно, по-детски. Если спросить, что случилось, лишь с досадой отмахнётся, не приставай, мол, итак тошно! Пробовал было Максимка выспросить что-нибудь у соседки по коммуналке, Зойкиной матери, с которой его семья дружила, но та лишь сердито хмурилась: «Сволочи они все! Разве можно так с живыми людьми поступать?».

Кто такие эти таинственные «они», из-за которых расстраивалась мать, Максимка понял одним хмурым пасмурным утром, когда она привела его к какому-то унылому серому зданию,

отгороженному со всех сторон низеньким вычурным забором под старину и полосатыми шлагбаумами. Время от времени чья-то невидимая рука приподнимала длинную чёрно-белую палку и за ограду горделиво, как лебедь, вплывала новенькая иномарка.

– Мама, а почему на номерах – три буквы «А»? – изумлялся Максимка. – Потому что блатные! – раздражённо отмахивалась женщина.

– Как понять – «блатные»? – любопытствовал мальчик.

– Значит, без стыда, без совести, – свирепела женщина, – привыкли хапать на халяву… вся жизнь – манна небесная.

– А что такое – «манна небесная»? – не унимался Максимка.

– Квартиры, машины… много чего… Давай, иди быстрее, нечего по сторонам глазеть!..

Над зданием грозно развевались три разноцветных полотнища. Максимка чуть не растянулся у входа, пытаясь прочитать по слогам огромную надпись из блестящих, отливавших золотом букв. Но поскольку мать торопила, а он читал медленно, смог осилить только две первые буквы: «АД». Но и то немногое, что удалось прочесть, ужаснуло: «Мама, давай не пойдём! Это же ад, там черти!» – взмолился Максимка. Но мать была непреклонной и упрямо тащила его за руку.

Войдя внутрь помещения, мальчик остолбенел от вида массивных величественных колонн и роскошной люстры, горевшей сотнями лампочек; такие он видел только по телевизору, в фильмах про царей и цариц. Навстречу им вышли два рослых, крепко сбитых молодчика с кислым выражением лица, и Максимка сразу вспомнил двоих из ларца – одинаковых с лица из мультика про Вовку в тридевятом царстве; только сказочные персонажи были одеты нарядно, а эти – в невзрачную форму мышиного цвета. Преградив женщине путь, они долго перепирались с ней, требовали показать паспорт, куда-то звонили… Мальчик от страха спрятался за спину матери и, с опаской косясь на сжатые железные кулаки, осторожно выглядывал оттуда.

Когда их всё-таки пропустили, и они зашагали по длинной лестнице, устланной красной ковровой дорожкой, мальчик жался к самым перилам, боясь запачкать её своими грязными ботинками… А потом они долго стояли перед закрытой дверью, переминаясь и не осмеливаясь войти. Когда же всё-таки решились, их остановил на пороге властный женский голос: «Выйдите, вас пригласят!». Они покорно вышли. Максимкина мать, поглядывая на часы, заметно нервничала: комкала в руках носовой платок, забрасывала в рот и судорожно глотала таблетку или с преувеличенным вниманием в сороковой раз принималась изучать прикрученную к стене табличку… Максимке нестерпимо хотелось в туалет, но он терпел, зная, стоит только матери об этом заикнуться, как она непременно на него рявкнет… Наконец им было позволено зайти и даже сесть на стулья.

Первое, что бросилось в глаза Максимке – журчащий у окна, посреди чёрных кожаных кресел, декоративный водопад, меланхолично поникшая пальма в кадке, и встроенный в деревянный шкаф огромный аквариум. До чего он был хорош: настоящее подводное царство с корягами, разноцветными камешками и диковинными водорослями! Населявшие его рыбы были как на подбор солидные, неповоротливые. Они надолго неподвижно замирали вдоль стеклянных стенок, важно шевеля прозрачными плавниками. Максимка смотрел на них во все глаза: «Мам, смотри, тритончик!.. А эта – на бабочку похожа… О, у них даже лягушка есть!.. Настоящая лягушка, только жёлтая!..». То, что им с матерью здесь не особо рады, он заметил позже, когда запустившая их в кабинет надменная красавица, закованная, как в броню, в строгий серый костюм, оборвала его восторги по поводу рыбок: «Мальчик, не надо тыкать пальцем!.. Смотри вон, всё стекло залапал…». «Сядь в кресло!» – одёрнула его и мать. Но не так-то просто было оттащить Максимку от аквариума. «Мам, ты только посмотри, какая красота! Давай такой же купим!». «Нам его ставить некуда», – отозвалась мать. «Ну, пожалуйста, мам!..». «Хватит канючить, ты не ребёнок!»…

В чудесной комнате, которую Максимкина мать обозвала грубым словом «предбанник», они побыли совсем недолго: через пару минут их запустили в другую, где в огромном кожаном кресле державно застыла, словно монументальная скульптура, грузная блондинка. «Слушаю вас», – не поворачивая головы, бросила она. Пока Максимкина мать, путаясь и запинаясь, срывающимся голосом начала что-то объяснять, толстые пальцы, унизанные золотыми кольцами, перебирали какие-то бумажки в папке; наконец, перебив собеседницу, блондинка с каменным выражением лица изрекла: «Между администрацией города и вашей семьей не было заключено договора социального найма, – по столу угрожающе постучал отточенный красный

ноготь. – Поэтому на это жильё вы прав не имеете». Мать осеклась, её губы на мгновение плаксиво задрожали, но она тут же взяла себя в руки и с вызовом вздёрнула подбородок: «То есть вы меня с маленьким ребёнком вышвыриваете на улицу?..». Максимка видел, как сверкнули гневными искорками материны глаза и, предчувствуя склоку, попятился к двери. Его вывела за плечи красавица в сером костюме: «Пусть мама побеседует в кабинете, а мы с тобой подождём её в коридоре…».

И снова перед глазами предстал сказочный водный мир с его необычными обитателями, так не похожими на сереньких карасиков, к которым привык Максимка.

– Тётенька, а как зовут эту рыбку?

– Не помню… скалярия, кажется…

– А вот эти, с длинными хвостами, красненькие, это кто?.. Смотрите, дерутся, дерутся!..

– Меченосцы.

– А где живут эти рыбки? Я ходил с папой на рыбалку и никогда таких красивых там не видел.

– В тёплых краях… – затрудняясь с ответом, ответила женщина. – Где-нибудь в реке Амазонке, наверное…

Услышав заветное слово «Амазонка», Максимка сглотнул слюну:

– А эта река далеко отсюда?..

– Очень далеко… в Южной Америке…

Время от времени из-за двери с золотой табличкой вырывались звуки, напоминающие крики голодных чаек: «Процедура выселения происходит на законных основаниях…», «Это произвол! Я буду жаловаться!..», но Максимка, как завороженный, созерцал манящую своей непостижимой прелестью жизнь за стеклом: «Ой, я думал, это чёрные камешки, а они рты разевают!.. Какие длиннющие усы у улитки!.. Смотрите, как она смешно ими шевелит!. Когда мать выскочила из кабинета, громко хлопнув дверью, и схватив мальчика за руку, потащила к выходу, он, упираясь, взмолился: «Мама, давай побудем здесь ещё чуть-чуть! Тут так здорово!». Но она была непреклонна и буквально силой выволокла его за дверь. «Я этого так не оставлю!.. Они у меня ещё попляшут!..» – бормотала она себе под нос. «Мам, давай заведём рыб! Я придумал, куда мы поставим аквариум – на шкаф…» – просил Максимка, но женщина его даже не слушала…

С тех пор утомительные походы к грубым и злым людям стали для мальчика чуть ли не ежедневными. Утром, едва продрав глаза, он, подгоняемый окриками издёрганной, измученной бессонной ночью матерью, плелся вместе с ней на автобус. И они ехали через весь город к какому-нибудь старинному помпезному зданию с дорогими машинами у входа, а там всё повторялось по кругу: неприветливая охрана… длиннющие очереди… кипа бумаг… толстые, опоясанные золотом, пальцы… холодные, остекленевшие глаза… глухие бесстрастные голоса… Изнурительные походы от одного кабинета – к другому отупляли, лишали сил. И однажды Максимка, не выдержав, капризно захныкал:

– Ма, сколько мы ещё так ходить будем? Делать что ли нечего? Я устал! Я погулять хочу!

– Ты думаешь, мне охота пороги обивать? – устало отозвалась мать и примиряющее добавила. – Кто ж пойдёт, сынок, кроме нас?.. Адвокат нам не по карману…

– Так с весны ведь ходим, а уже лето, надоело! Сегодня все ребята на речку пошли, а мы сюда припёрлись…

– Скоро всё закончится, – пообещала мать.

– Когда «скоро»? – недоверчиво протянул сын.

– Когда отстоим свои права, – пожимая плечами, туманно пояснила мать.

– Ну и когда это будет? Зимой, когда река замёрзнет?

– Когда придёт письмо от дяденьки… Помнишь, того, в синей форме, со звёздами на погонах?.. Он обещал нам помочь…

– Да не помню я никого! – топнул ногой Максимка; из глаз его брызнули слёзы. – У меня поплавки новые… мне на речку надо… а я тут, с тобой!..

– Какой же ты глупый! – возмущалась мать. – Хочешь, чтоб у нас дом отобрали?

Ошарашенный Максимка сглотнул слюну:

– Как это?..

Если мать не врёт, то она говорит ужасные вещи. Разве можно забрать дом, в котором ты родился? Дом, где в шкафу, на антресолях, стоят твои игрушки: Карлсон со сломанным

пропеллером, луноход, одноглазый плюшевый мишка с повязанным на шее красным бантом… Где твой папка своими руками сделал каждую полочку, вбил каждый гвоздик… Где есть дверной косяк с маленькими зарубками, которыми родители в день твоего рождения отмечали насколько ты подрос за год. Дом, из которого больше некуда идти…

Вечером Максимка отправился к Зойке, припася для девочки забавный подарок: парик, который он сам смастерил из подобранных на свалке старых заезженных кассет. Зойка, нацепив на голову шелестящие коричневые «лохмы» стала похожа встрёпанную на рок-звезду. Максимка тоже примерил шуршащие «кудри». Оба заразительно расхохотались… «Знаешь, Зойка, нас скоро из дома выгонят», – вдруг грустно проговорил мальчик. Марсианские глаза Зойки излучали тепло и участие, губы – простодушно и доверчиво улыбались. «Я хочу уплыть на Амазонку… Это река такая, в тёплых краях, там водится много красивых рыб… Ты поедешь со мной на Амазонку?». Зойка, наклонив голову, сморгнула реденькими рыжими ресницами и смешно наморщила веснушчатый нос…

С этого дня Максимка втайне от всех начал строить плот. Да не простой, а из бутылок: однажды по телевизору он увидел, как народные умельцы прямо на глазах зрителей изготовили это нехитрое плавсредство. Ничего сложного, уверяли они, нужно лишь насобирать побольше пластиковых бутылок, скрепить их скотчем и запихать в сетки – вот тебе и плот. И самое главное, чтобы скотч был не простой, а водостойкий, а то плот развалился сразу же при погружении в воду…

Мешки из-под сахара Максимка нашёл на помойке, а полторашки собирал по всей округе недели две. Выпросив у матери деньги на чипсы, купил в хозяйственном магазине скотч. А ещё стащил из дома пластиковую лопатку на длинной ручке, рассудив, что она идеально сгодится для весла. Свои трофеи он прятал за гаражами… Когда его тайник неожиданно обнаружил сосед дядя Гена, Максимка испугался, что весь его план накроется. Но, вопреки опасениям, дядя Гена не только не стал чинить препятствий, но даже похвалил мальчика за оригинальную задумку и вызвался помочь – укрепить всю конструкцию досками. «И скотч ты свой закинь куда подальше… он сюда не пойдёт… – почесал в затылке, рассудительно изрёк дядя Гена. – Я тебе лучше с работы ленту для обвязки кирпича принесу… попрочнее будет…– и совсем уже некстати добавил. – Чё там у мамки решилось что-нибудь с квартирой?». Максимка помрачнел: «Судится». «Ох, беда, беда…».

Плот был готов на удивление быстро. Дядя Гена сказал, что в воскресенье, когда у него будет выходной, можно будет попробовать его запустить. Но Максимка не стал дожидаться воскресенья. Утащив у соседки тележку, он, надрываясь, с трудом погрузил на неё плот и повёз его к реке, чтобы там, в кустах, спрятать. Когда дело было сделано, побежал домой собрать провизию: термос с горячим чаем, варёные яйца и картошку, соль, сало, хлеб… И всё это тоже было надёжно припрятано на берегу. Дело оставалось за малым – вывезти Зойку…

Улучив удобную минутку, когда Зойкина мать ушла с обеда на работу, и девочка осталась с бабушкой одна, он как ни в чём не бывало заявился к ним домой. «Можно мы погуляем?». «Только не долго, на улице – жара, чтоб ей голову не напекло», – ответила пожилая женщина. Спустив коляску на улицу, она усадила в неё Зойку и повезла по тротуару. Зойка, смеясь, махала руками; всё её маленькое тельце ходило ходуном и подпрыгивало. Максимка, кусая ногти, шёл рядом, выжидал подходящего момента. «А можно я сам её повожу? – искоса глянув на бабушку, предложил он. – Мы только до того дерева доедем и назад». «Ладно, только до того дерева…». В эту минуту у женщины зазвонил сотовый и она отвлеклась. Максимка воспринял это как знак судьбы…

Пока Зойка сидела в кресле, Максимка вытащил из кустов свой плот и, упёршись в него обеими руками, стал придвигать к воде, с каждым шагом всё ближе и ближе. Потом сгрузил пожитки. Зойка, улыбаясь, тянула к нему руки… Ходила она совсем плохо. Её кривенькие ножки никак не хотели слушаться хозяйку, поэтому Максимка, велев ей обнять его за шею и крепко держаться, запинаясь, повёл к воде, на которой уже качался готовый к путешествию плот…

Они плыли ровно посередине реки – зеленоватой и мутной, и нелепый, неуклюжий плотик из бутылок им казался большим и величественным кораблём, на котором Максимка был бесстрашным капитаном, а Зойка – романтичной и мечтательной пассажиркой. Им даже грести не приходилось, течение само несло их всё дальше и дальше… И вскоре вода стала теплее и прозрачнее. Со дна, усыпанного белым песком, стремительно всплывали целые стаи резвящихся рыб, своей расцветкой напоминающих радугу. Сверкнув чешуёй, они взлетали над водой и вновь

ныряли на глубину, в лабиринты коралловых рифов, похожих на гигантские веера… А на волнах сияющее качалась то солнечная, то лунная дорожка, соединяющая воду и небо.